

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Далиша Рэй
Дарина Ромм

ЛЮБОВЬ

ПО ТРЕБОВАНИЮ И БЕЗ...

18+

Дарина Ромм
Далиша Рэй
Любовь по требованию и без...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70370371

SelfPub; 2024

Аннотация

Никогда не говори никогда. Правило старое, но работает без сбоев. И мужчина, которого я надеялась никогда больше не встретить, снова появился на моем горизонте. Что придет вместе с ним в мою жизнь – большие неприятности, или... большие чувства? И удастся ли мне скрыть от него свою давнюю тайну...? История непростой любви. Горячая и нежная. 18+ Хэппи энд!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	40
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	56
Глава 13	62
Глава 14	67
Глава 15	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Дарина Ромм, Далиша Рэй

Любовь по требованию и без...

Глава 1

Это утро не задалось с самого начала.

Проснулась я оттого, что к спине прижалось большое жаркое тело. Следом меня по-хозяйски обняла тяжелая мужская рука, а в поясницу уперлось кое-что твердое, нахальное и абсолютно неприличное

Рука быстро и уверенно пробралась в вырез моей ночнушки. Умело там похозяйничала, заставив меня задохнуться от такой наглости, и над ухом прозвучал низкий заспанный голос:

– Кисуля, разве мы с тобой договаривались сегодня встретиться?

Это меня спросили?

Меня, мирно и одиноко спящую в своей уютной постельке?!

Не размышляя, я включила режим сирены и завывала:

– А-а-а-а!

Рука из моего выреза исчезла. Загорелся свет, и мой вопль

заткнулся на самой патетичной ноте.

– Ты?! – воскликнули мы одновременно.

Мы, это я и абсолютно голый мужик, лежащий на соседней половине кровати. Вернее, это я воскликнула, а он просто лежал и нагло смотрел.

– Ты что здесь делаешь?! – это, конечно, я спросила. Ему, судя по всему, было пофиг.

После этого мы дружно замолчали и принялись разглядывать друг друга. Разглядывать и краснеть.

Опять же, краснеть начала я. А этот гад только усмехался и с интересом заглядывал в вырез моей ночной сорочки, откуда только что выбралась его рука.

И даже не подумал прикрыть свое... эм... наглое безобразие, которое только что упиралось мне в поясницу.

Ну-у... Честно говоря, вообще не безобразие, а очень даже наоборот. Так наоборот, что у меня от воспоминания о знакомстве с ним руки мигом покрылись мурашками и блаженно занял низ живота.

Похоже, лежащий рядом со мной тип все понял по моему лицу. Оскалил в усмешке белоснежные зубы и своим сводящим с ума голосом предложил:

– Отпразднуем нашу удивительную встречу, а, Снежок? Давай, иди ко мне...

И руку протянул. Только не ко мне, а к своему... наглому другу, еще подростку в размерах под моим взглядом.

Позвал меня:

– Давай, милая, поздоровайся с ним... Не могу сказать, что рад тебя видеть, но ему ты всегда нравилась...

Я схватила одеяло и дернула на себя, прикрываясь. Зашипела, жалея, что не родилась змеей и не могу от души плюнуть в него ядом:

– Что ты забыл в моей постели, человек-не помню-как-тебя-зовут?

Черные греховные глаза в густых ресницах неспешно прошли по моему лицу.

Ощупали шею, ключицы... Да так, что мои руки сами подтянули край одеяла повыше. Переползли на губы и тут остановились.

Мужчина сел. Неспешно накинул на бедра одеяло и молниеносным движением схватил меня за горло. Стиснул железной ладонью, стоило мне начать дергаться, и ласкающе провел большим пальцем по нижней губе...

Потянул к себе и с отвращением процедил в мой возмущенно распахнутый рот:

– А теперь ты расскажешь, как оказалась в этом доме, моя прелестная дрянь.

Глава 2

Как я оказалась в этом доме... часть первая

– Снежана, что ты решила делать дальше?

Вопрос Марьяны завис в воздухе и воздушным шариком полетел по кабинету, не находя, куда приземлиться.

Я прямо воочию видела, как он весело порхает под потолком, покачивая привязанной к нему яркой ленточкой. И зачем спросила? Понятно же, что ответа у меня не было.

Да и вопрос мне не понравился, что-то делать сама я не привыкла. Так же, как самостоятельно принимать решения. Почти всю жизнь у меня для этого были сначала родители, а потом муж.

Подруга выпускала колечки дыма через ярко накрашенные губы и, прищурившись, разглядывала меня. словно верила, что я изменю своим привычкам и кинусь составлять маркетинговый план по устранению возникших в моей жизни проблем.

– Марьяна, что я могу решить? – я пожала плечами, давая понять, что слово «решение» и я плохо совместимы. Хотя, чего там, Маря и так знает это лучше меня – с пятнадцати лет дружим, а сейчас нам уже...

Нет, такие ужасные цифры лучше вслух не произносить. Даже шепотом не стоит. И вообще, после тридцати паспорт у женщин необходимо изымать, а взамен выдавать специаль-

ный документ, где графа «дата рождения» будет отсутствовать напрочь.

– Как вообще ситуация? – подруга не теряла надежды отыскать у меня в голове зачатки разума и прояснить, что вокруг меня творится. – Давай по порядку, со дня смерти Гарика.

Услышав про своего дорогого, недавно почившего супруга, я достала шелковый платочек с ручной вышивкой, специально приобретенный для этого печального случая.

Промокнула набежавшие слезы и расстроенным голосом принялась рассказывать:

– На следующее утро после похорон мне позвонил какой-то тип и представился поверенным моего пасынка. Заявил, что у него есть завещание Гарика, по которому он все имущество отписал своему горячо любимому сыну. Так что я могу паковать личные вещи и готовиться перебираться по месту жительства в Бирюлеве.

– А я в Бирюлеве даже и не была никогда, – я обиженно поджала губы.

– При чем здесь Бирюлево? – не поняла Мария.

– Вот! Я тоже у него это спросила, – обрадовалась я поддержке. – А он, знаешь, что мне ответил?

– М-м? – Мария от любопытства даже дым изо рта выпустить забыла, так и сидела, раздув щеки и таращась на меня круглыми глазами.

– Он мне заявил, что его клиент – порядочный человек,

и не может выгнать на улицу пятую жену своего любимого отца. Поэтому, так и быть, купит мне за свой счет однушку в Бирюлеве.

– А я не пятая жена, а только третья, – совсем обиделась я. Все также, не выпуская дым, подруга замычала что-то возмущенное.

Ободренная ее безоговорочной поддержкой, я продолжила свое горестное повествование.

– Еще тот тип добавил, что я могу сама себе подобрать квартирку, чтобы, когда наследник приедет в страну, сразу заключить сделку, – чуть не плача поделилась я с подругой своим возмущением.

– Вот гад, – Маря, наконец, выпустила дым и сердито шлепнула ладонью по столу.

Все-таки приятно видеть такое согласие со своими чувствами у близких людей.

– Ну а ты? – подбодрила меня подруга.

– А я взяла и призналась, что у меня тоже есть завещание. В мою пользу.

– А он?

– Велел начинать бояться, потому что его клиент так это дело не оставит. Зато оставит меня с голой задницей, а может, и еще что похуже.

– И мою квартирку в Бирюлеве пообещал отобрать, – мстительно наябедничала я.

– Так квартира еще не твоя, чего переживаешь? – удиви-

лась подруга.

– Да, но я уже успела привыкнуть к тому, что мне ее купят. Он ведь обещал, – возмущенно раздулась я. Со своим, даже еще не полученным, расставаться я не любила.

– Ну а Сашка твой не поможет? – Маря прищурилась и недобро поджала губы.

– Я с ним сто лет не виделась и, надеюсь, еще столько же не увижусь, – я тоже поджала губы и возмущенно хлопнула ресницами.

Марьяна откинулась в кресле и нажала кнопку на селекторе, стоящем на столе.

– Слушаю, Марьяна Эдвардовна, – раздался напевный голос ее секретарши Лады.

– Ладусь, сделай нам кофе, и побольше. И пирожных каких-нибудь принеси, у нас военный совет.

– Может, тогда еще колбаски, сыра и бородинского хлеба? – предложила догадливая Лада.

– Умничка, все тащи! – Маря отключила переговорное устройство и повернула ко мне горящие хищным блеском глаза:

– Так, подруга, твой пасынок захотел войны. Он ее получит...

Глава 3

Как я оказалась в этом доме... часть вторая

Наш с Марьяной военный совет затянулся почти до полуночи, так как умничка Лада к колбаске, сыру и хлебушку добавила еще и бутылочку хорошего коньячка.

Зато результатом его стал листочек, на котором четким почерком подруги был расписан план действий, состоявший из двух пунктов. Вернее, трех.

Но третий пункт можно было исполнить только после первых двух, да и то через полгода.

Наутро отвратительно бодрая подруга растолкала меня ни свет, ни заря, и зычным голосом скомандовала:

– Подъем! Нам нужно к нотариусу.

Приученная отцом-генералом не спорить с такими четкими распоряжениями я подскочила с кровати. С космической скоростью привела себя в порядок, и вскоре мы уже ехали в нотариальную контору, где работал давний Марьянин поклонник, Леня Банников.

Увидев в окно нашу парочку, – широко шагающую, гренадерского роста и вызывающей уважение комплекции Марю и семенящую за ней, словно болонка на поводке, меня, – Леня выскочил из своего кабинета.

Выпихнул в коридор странную женщину, принявшуюся кричать, что сейчас ее очередь. С великими почестями про-

вел нас с Марей к себе и усадил в кресла.

Вернее, Марю он нежно усадил, а мне просто ткнул пальцем, показывая, куда я могу пристроить свой тощий, совсем ему неинтересный зад.

Но я даже не обиделась, Леня при виде моей подруги разум теряет напрочь. Поэтому остальные женщины просто сливаются для него в одну серую массу. Даже такие красавицы, как я.

Пока Леня ворковал и нарезал круги вокруг моей подруги, я немного вздремнула в своем удобном креслице. Триста граммов коньяка, залитые с вечера в мою мелкую персону, не способствовали сегодня ни бодрости тела, ни активности духа.

Зная, что добрачные игры Лени затянутся надолго, я спокойно пристроила голову на спинку и закрыла глаза.

Разбудил меня голос Марьяны:

– Снежанка, давай свое завещание.

Не открывая глаз, я показала пальцем на сумку и снова уплыла в дрему.

В следующий раз пришлось открыть глаза, когда Маря совала мне в ладонь ручку, требуя поставить подписи на документах.

Все так же, не разлепляя глаз, я подписала там, куда она ткнула пальцем, и в третий раз провалилась в блаженное забытие.

– Вставай, подруга, – меня подхватили под руку и, про-

вожаемые Лениным неудовлетворенным поскуливанием, мы погрузились в такси и поехали дальше.

– Эх, – вздохнула подруга, когда тощая фигура ее поклонника, махающего нам вслед, скрылась за поворотом, – наверное, все-таки надо дать ему доступ к телу. А то даже жалко его становится, такие обломы каждый раз.

– Ты же не любишь рыжих? – удивилась я.

– Ну-у, – промычала подруга невразумительно и как-то подозрительно порозовела.

– Та-а-ак, – протянула я злобным голосом, – а ну, рассказывай, что там у вас было, пока я спала?

– Да ничего не было, – еще больше зарумянилась моя грендерша. – Ну, поцеловались пару раз, пока ты храпела, и все, – Маря отвернула от меня лицо, заставив насторожиться. Ой, кажется, мы ее теряем!

– Смотри, подруга, главное – не потеряй девичью честь и женское достоинство, раздавая такие щедрые авансы, – припугнула я.

– Ты думаешь, надо было с ним построже? – заволновалась Маря, вытаращив на меня глаза.

– Конечно, построже. С Леней так уж точно, никаких допусков до тела еще лет пятнадцать. А там, глядишь, он уже и сам расхочет, и твоя честь будет в гарантированной безопасности, – строгим голосом предупредила я побледневшую подругу.

И еще пальцем погрозила, чтобы знала, что непотребств

мы не допустим.

— Да ну тебя! — осерчала она и, недовольно сопя, отвернулась к окну.

— Ладно, не парься. Леня тебя и пять лет ждать будет, никуда не денется. Если только какая-нибудь дамочка из сборной страны по сумо не явится к нему доверенность оформлять... Ты мне лучше расскажи, что я там подписывала у него в кабинете? — перевела я тему.

— Ты думаешь, к нему в контору может сумоистка прийти? — не отвечая на мой вопрос, ужаснулась подруга.

— Или самбистка, — зловредно дополнила я.

Больше мы не разговаривали до самого конца поездки. Маря тяжело вздыхала, ерзала на сиденье, шевелила губами и опять вздыхала. Наверное, подсчитывала вероятность появления в пределах Лениного взгляда женской сборной по штанге или метанию молота.

А я смотрела в окно и прикидывала, через сколько дней прилетит из Европы мой пасынок, которого я никогда в глаза не видела, зато слышала кое-что неприятное. И как скоро начнется резня за немалое наследство моего покойного супруга, в которой я, скорее всего, благополучно проиграю.

Глава 4

Как я оказалась в этом доме... часть третья

– Подруга, давай, ищи Снежке вариант, – требовательно гудела Марьяна, нависая над нашей бывшей одноклассницей, ныне владелицей процветающего бюро по подбору кадров, Валерией Шолоховой.

В основном Лера занималась подбором домашнего персонала – нянь, гувернанток, горничных, садовников и шоферов, – для богатых, очень богатых и неприлично богатых людей. У ее агентства была отличная репутация, так как Леруська, в свое время закончившая медицинский и пару лет проработавшая психиатром в дурке, умела найти подход практически к любому, даже самому капризному клиенту.

Несколько лет назад, уволившись с веселой работы с наполеонами и цезарями, она взяла в банке кредит и открыла свое агентство.

Дело пошло, и сейчас Валерия Николаевна превратилась в преуспевающую бизнес-леди, чей офис занимал четверть этажа в элитном бизнес-центре недалеко от Кремля.

Как оказалось, первый пункт плана войны с моим пасынком, который мы с Марьяной составили вчера, мы уже выполнили. Во время визита к Лене я подала документы на вступление в наследство согласно завещанию почившего супруга.

И сейчас мы приехали к Лерке во имя исполнения второго пункта нашего гениально простого плана – теперь мне нужно было спрятаться.

Причем спрятаться так, чтобы мой пасынок минимум полгода не мог меня найти.

Не нашел и не прикопал где-нибудь в лесочке, пока я не успела вступить в права наследования. Чтобы после моей кончины спокойно получить состояние своего отца, как единственному законному наследнику.

После короткого мозгового штурма было решено, что мне придется устроиться кем-нибудь вроде горничной в отдаленном, – в тайге, пустыне, на необитаемом острове, – месте. Перекантоваться там эти шесть месяцев в надежде, что бандит-пасынок меня не отыщет.

О парне я знала только то, что он живет за границей, преимущественно в Швейцарии. И что на родину въезд ему долго был закрыт по причине неблагоприятных дел, связанных с криминалом.

Мой покойный супруг о сыне практически не говорил. Даже имя его называл всего раз или два. Так что спроси меня, как зовут мальчонку, я и не вспомню. Забивать голову ненужной информацией – не мой стиль.

Я всегда полагала, что если и встречу с единственным сыном моего супруга, то произойдет это при совсем других обстоятельствах.

Мне и в голову не приходило, что Гарик, никого не пре-

дупредив, вздумает умереть.

И что под его подушкой я найду завещание, в котором прочитаю сакраментальную фразу «все, чем я владею, завещаю своей любимой жене Снежане Анатольевне Деминой», то бишь, мне. Печать и подпись нотариуса на документе выглядели вполне настоящими.

Гарик, который был старше меня на двадцать восемь лет, стариком отнюдь не был. И умирать в ближайшее время точно не собирался.

Нашу с ним свадьбу хотел устроить еще мой папа, который в моих мужьях не видел никого, кто не обладал бы приличным состоянием и жизненным опытом. А еще двойным гражданством, что в условиях постоянной нестабильности в нашей стране было полезным приобретением.

Игорь, или Гарик, как он просил его называть, которого я знала с самого детства, был давним папиным деловым партнером и, в общем, мне даже нравился.

Он был красив зрелой мужской красотой, умен, и охотно взял на себя руководство моей жизнью. Что меня, привыкшую, что за меня все решает папа, вполне устраивало.

В первую брачную ночь Гарик с волнением приступил к лишению меня девственности. И испытал огромное облегчение, обнаружив, что эту трудную работу за него уже проделали.

С этого момента наша сексуальная жизнь протекала исключительно гармонично. Я комфортно проводила ночи в

своей кровати на втором этаже нашего немаленького дома в Подмосковье. Гарик в своей, на первом.

Иногда мы пересекались, и тогда мне приходилось несколько минут бурно дышать, вскрикивать и стонать, имитируя удовольствие, которого там, отродясь, не было.

Но Игорю мои стоны льстили, а мне было несложно сделать ему приятно.

Самое интересное, что изменять мужу мне даже в голову не приходило: никакой тяги к этим распиаренным телодвижениям в горизонтальном положении у меня не было.

Не было. До одного случая, про который я старалась не вспоминать. Очень старалась. Изо всех сил...

Но это вообще отдельный разговор, вести который я не готова даже с Марей.

Глава 5

Как я оказалась в этом доме... часть четвертая

В общем, я считала наш с Гариком четырехлетний брак исключительно удачным, основанным на заботе друг о друге и некоторой общности интересов.

В свое время Гарик долго и красиво за мной ухаживал. Но поженились мы, только когда мои родители погибли в автотрагедии, и после их смерти выяснилось, что отец был давно разорен, не оставив мне ничего, кроме долгов.

В то время поддержка Игоря оказалась для меня просто бесценной. Он прикрыл меня статусом своей жены и оплатил все долги отца, избавив меня от преследования кредиторов.

Хотя после всех этих событий я осталась без кола и двора, буквально голой и босой, живущей за счет мужа, теперь моей жизни ничего не угрожало, и я хотя бы могла спокойно спать по ночам.

– Ищи, Леруська, получше ищи, – вывело меня из задумчивости Марьянино протяжное конральто. – Очень надо, вопрос жизни и смерти.

Лера, отлично знающая, что отделаться от Мари не удастся, приложила все возможные усилия и принялась в третий раз перелопачивать свою базу заявок на персонал.

– Девочки, – почти взывала она через двадцать минут, – ну, нет ничего, что вам подходит.

– А это что? – вдруг протрубила Маря, тыкая в монитор кроваво-красным ногтем. – Вот, «Требуется горничная в удаленный от Москвы особняк. С проживанием».

– Так, тут возраст... – простила Лера. – Тут условие, возраст претендентки тридцать пять плюс. Не подходит.

– Еще как подходит! – довольно пробасила моя подруга. – Ты ведь все равно только копии паспортов клиенту высылаешь. Будет тебе паспорт с нужной датой рождения. И Снеж-ка будет выглядеть – комар не подкопается.

– Да вы что?! – ужаснулась Лерка. И даже отшатнулась от Марьяны, будто та была одновременно прокаженной, вшивой и холерной. – Я не могу так с клиентом поступить! Да и не выглядит Снежана на тридцать пять, как не уродуй ее.

– Снежа, иди пока, погуляй в коридорчике, – ласково попросила меня Марьяна и добрыми глазами посмотрела на Лерку. Та от ее взгляда съежилась, втянула голову в плечи и даже слегка лицом посерела.

– Иди, иди, не заставляй просить дважды, – напутствовала меня подруга.

Я благоразумно оставила их с Лерой вдвоем, напоследок кинув на бывшую одноклассницу сочувственный взгляд – не хотела бы я сейчас оказаться на ее месте.

Через полчаса дверь кабинета распахнулась, деликатно бахнув об стенку. В коридор выплыла довольная как слон и как никогда похожая на это благородное животное Марьяна.

Двумя пальчиками с алыми ноготками она небрежно дер-

жала листочек с напечатанным текстом и печатями Лериной фирмы.

– Что-то долго ты, – попеняла я подруге.

Та вздохнула и восхищенно покрутила головой:

– Лерка – кремень! Уважаю. Сопротивлялась до последнего, я аж устать начала. Тут недалеко хорошая пиццерия есть, пошли, восстановим мои потраченные калории. Ты платишь!

– Почему я? – я возмутилась было, но быстро вспомнила, что Мария теряет свое лошадиное здоровье, занимаясь моими делами.

Поэтому прекратила спор, который все равно ни к чему бы ни привел.

Потрусила по коридору за широко шагающей подругой, пытаясь на ходу выяснить, когда мне приступить к работе, и как далеко придется уехать от милой сердцу столицы.

Глава 6

Как я оказалась в этом доме... Где-то в Подмосковье

Особняк, где мне предстояло работать, и впрямь, оказался удаленным. Настолько, что добираться до него от железнодорожной станции пришлось почти два часа.

Благо за мной прислали машину. Не то пришлось бы трястись на рейсовом автобусе с двумя пересадками, изображая небогатую, побитую жизнью тетку, которая ни в жизнь не потратится на такси.

Шофер, пожилой, кряжистый мужичок, погрузил в багажник мой специально купленный в секонд-хенде чемодан и сел за руль, не дожидаясь, пока я заберусь в салон.

Сообразив, что открывать передо мной дверь машины никто не собирается, я торопливо дернула ручку и ввалилась в пахнущее дешевым освежителем нутро побитых жизнью «жигулей».

– Че застыла на ветру? – весело поинтересовался водитель, разглядывая меня в зеркало заднего вида. – Или ждала, пока дверь перед тобой откроют, как перед королевной?

Не перед королевной, конечно. Но к тому, что мужчины открывают мне двери, была приучена с детства.

Сейчас же я глупо хихикнула, кокетливо поправила на затылке вязаный берет и, закатив глаза, прочирикала:

– Да скажешь тоже! Просто смотрела, никогда не бывала

здесь, интересно мне.

– Да че тут интересного-то? Одна грязь кругом, – удивился мужичок. – Вот в доме, где работать будешь, ши-ика-арно. Меня, кстати, Славиком зовут.

Посмотрев на крепкого, примерно пятидесятилетнего Славика, я снова хихикнула и жеманно протянула:

– А я Снежа-ана.

Славик радостно оскалил прокуренные желтые зубы и подмигнул мне в зеркале:

– Ниче, сработаемся. Вижу, нормальная ты ба... женщина, Снежанка.

После чего завел мотор, и мы буквально поскакали по ухабистой проселочной дороге в сторону темнеющего в нескольких километрах от станции лесного массива.

Две недели я осваивалась в оказавшемся огромным и совершенно безлюдном доме. И да, он был ши-и-икарный!

Дубовая лестница с вычурными перилами, хрустальные люстры, позолота. Еще красные ковровые дорожки, зеленое сукно, гобелены на стенах и тяжелая, темная мебель. В общем, тихий ужас.

Интерьер напомнил мне гостиницу в Австрии с сохранившимся оригинальным интерьером девятнадцатого века, в которой мы с Игорем провели неделю в наш медовый месяц.

Мед там было даже с излишком, в основном в виде десертов всех мастей, куда этот самый мед добавляли в диких количествах.

После той поездки у меня осталось стойкое неприятие, как любых продуктов жизнедеятельности пчел, так и интерьеров подобного типа. Поэтому на шикарный дом я взи-
рала с некоторым отвращением.

Как мне объяснила по телефону представитель работода-
теля, в особняке давно никто не жил, и его было необходимо
привести в порядок.

От меня требовалось отмыть дом от грязи, выбросить все,
что испортилось, и написать список, чего не хватает для ком-
фортной жизни: полотенец, скатертей, постельного белья и
так далее...

Работа показалась мне странной, но Лерка заверила, что
работодатель надежный. У него есть еще дома, и горничных
для них находило именно ее агентство. Так что я могу не
беспокоиться – хозяин, действительно, дедуля с чужинкой,
но абсолютно безобидный.

Так как выбирать мне было не из чего, а тут уединенное,
глухое место, где я сама себе хозяйка, то я махнула рукой на
все свои сомнения и согласилась.

Тем более что Маря так угрожающе сопела мне в затылок,
что сказать «нет» я просто побоялась.

Еще мне сообщили, что из всей прислуги в доме буду я од-
на, чем неимоверно обрадовали. Однако предупредили, что
через пару недель приедет представитель владельца и прове-
рит, до какого состояния я отмыла дом.

Если его все устроит, меня оставят работать и дальше. Ес-

ли нет, то где находятся ворота и железнодорожная станция, я уже знаю.

Аванс мне, кстати, выплатили. Увидев сумму на своей карте, я долго в ее разглядывала, пытаюсь понять – я где-то потеряла парочку нулей или так и должно быть?

В любом случае, подбодренная добрым напутствием Лерки и воспоминанием об угрожающем взгляде Марьяны, на следующий день после прибытия я решила приступить к работе.

Полная энтузиазма засучила рукава и... открыла на телефоне ютуб.

Нет, ну а как мне уборку делать, если я в жизни тряпку в руках не держала? Понятно, что сейчас мне нужна была пара уроков, чтобы понять, как это работает.

С большим удовольствием посмотрела несколько видео на эту тему, где ухоженные, элегантные женщины легко, словно феи взмахом волшебной палочки, приводили в порядок огромные квартиры и даже целые дома. И поняла, что я тоже справлюсь.

Вызвала Славика, погрузилась в салон его «жигулей», и мы поехали в ближайшую деревню. Там я выбрала самый чистенький и симпатичный домик. Зашла в него и познакомилась с хозяйкой, улыбчивой курносой толстушкой Катериной.

После обсуждения интересующего меня вопроса, купила у Кати домашнего молока и сметаны, и мы отправились об-

ратно.

По дороге Славик бурно живописал мне свою героическую жизнь, я весело хихикала над его рассказами и закатывала от восторга глаза.

Так что, в особняк мы приехали вполне довольные друг другом. А через пару часов в ворота постучали три крепкие деревенские женщины под предводительством моей новой знакомой Катерины

Без долгих прелюдий дамы засучили рукава и принялись мыть, тереть, чистить и всячески приводить дом в порядок. Я тем временем ходила по комнатам и составляла списки недостающего для комфортной жизни.

На следующее утро дамы пришли снова, и мы продолжили трудиться.

Через три дня дом сиял, сверкал и переливался, как пасхальное яичко, радуя глаз и душу.

Даже Славик, который как раз заглянул в гости, был восхищен моим уборочным мастерством и начал смотреть в мою сторону с уважительным интересом.

Катерина наготовила мне еды на пару дней вперед. Я выдала ей обещанную плату и договорилась, что она будет приходить два раза в неделю делать поддерживающую уборку.

На этом, сочтя, что своим трудолюбием заслужила немного отдыха, я принялась проводить дни в свое удовольствие.

Спокойно читала книги в библиотеке на первом этаже. Гуляла по огромной территории вокруг особняка, припоро-

шенной первым снежком. Пару раз парилась в сауне в цо-
кольном этаже и там же занималась на спортивных тренаже-
рах.

И все было тихо, радостно и почти благолепно, пока не
наступило сегодняшнее утро, и я не проснулась в одной по-
стели с Эриком.

Глава 7

Настоящее время... Где-то в Подмоскowie

– Убери руки! – прошипела я, и попыталась оттолкнуть Эрика. Честно попыталась, изо всех сил.

Поэтому вообще не понимаю, как случилось, что мои ладони, которыми я уперлась в широкую голую грудь, вдруг скользнули вверх и обняли его шею.

С другой стороны, он же хватает меня, так почему мне не ответить тем же? Так что я крепко вцепилась и даже повисла на нем немного.

Эрик вместо того, чтобы понять, что абсолютно не прав, хватая девушку за разные неположенные места, с силой толкнул меня на подушку.

Навис сверху и процедил сквозь зубы, изучая мое лицо, будто фоторобот преступника составить собрался.

– Я задал тебе вопрос, Снежок. Что. Ты. Делаеть. В моем. Доме?

– Работаю, – я всегда была честной девочкой, и сегодня тоже врать не собиралась.

Черные глаза в густых ресницах сделались колючими. Рот искривился в злой усмешке и выплюнул:

– Такие, как ты, не работают. Да ты даже в содержанки не годишься, Снежок.

Э-э, полегче! С чего такие категоричные заявления?

Кажется, от возмущения я произнесла это вслух, потому что Эрик очень нехорошо оскалил зубы.

Попилил мое лицо недовольным взглядом, но все-таки снизошел до объяснения:

– Содержанка обязана быть покладистой, Снежок. Всегда готовой доставить удовольствие своему спонсору. А ты...

– А я? – не то чтобы я надеялась когда-нибудь получить первое место в конкурсе на лучшую содержанку мира. Но мне, правда, было интересно, с чего Эрик записал меня в неликвид.

– А ты, Снежок... – он вдруг еще подался вперед.

Придавил меня своим телом так, что в памяти сами собой начали вставать картинки одна неприличней другой. И все с Эриком в главной роли.

Наши глаза оказались на расстоянии всего нескольких сантиметров. Так близко, что я видела золотистые искорки на почти черной радужке. Греховные, дьявольские глаза, от взгляда которых у меня...

Черт, да иди ты, куда подальше со своими глазами! Придурок!

– Ты, Снежок, можешь только потреблять. Такие, всегда берут, ничего не давая взамен. Ты неспособна ни на дружбу, ни на любовь, а уж про «работаю» вообще звучит смешно, – он еще чуть придавил меня своей тушей.

– Поэтому я задаю свой вопрос последний раз, и ты на него отвечаешь, красавица. Иначе через пять минут будешь

с вещами стоять за воротами.

– На морозе?! – ахнула я, придя в ужас от видения себя, бредущей в одной ночнушке по проселочной дороге и волокущей по снегу потертый чемодан.

– На морозе, – с удовольствием в голосе подтвердил этот придурок. И поторопил меня: – Я жду ответа на свой вопрос, Снежок.

– Так ты не задал свой вопрос, только пугал меня. А насчет того, что я здесь делаю, я уже тебе ответила, работаю. Горничной, – обиженно попеняла я на нелогичность его поведения. И мысленно прикинула, стоит ли пытаться его столкнуть с себя или ну его, пусть уж лежит?

От моих слов Эрик жизнерадостно расхохотался, запрокинув голову и сверкая зубами.

Затем сам, без всякого напоминания, скатился с меня и лег рядом, прижавшись своим плечом к моему. Сложил ладони у себя на животе и замер. Хорошо хоть непристойности свои прикрыл.

– С ума сойти, я столько раз представлял, как мы встретимся, и я с удовольствием сверну тебе шею, Снежинка. Но даже вообразить не мог, что это случится вот так, – задумчиво проговорил он и умолк надолго.

А уж я-то как не представляла! Но благоразумно промолчала, и даже не стала отодвигаться от его плеча.

Ну, его, шевельнись не вовремя, а он возьмет и, правда, на мороз выставит, характерец у Эрика тот еще. Говорю же,

бешеный придурок!

Так мы и лежали – совсем рядом, даже соприкасаясь телами, и каждый ощущал тревожное присутствие рядом другого. При этом бесконечно далекие и совершенно чужие друг другу люди, каждый думающий о своем.

Ну и, конечно же, мне в голову не полезло ничего интереснее, чем наша с Эриком идиотская встреча полтора года назад...

Глава 8

Полтора года назад... Снежана Демина

... английский у девицы на ресепшен был отвратительный, с жутким грассирующим акцентом и напрочь исчезающими окончаниями.

Или она специально так разговаривала, как все французы, полагая, что если ты приезжаешь в ее прекрасную страну, то обязан знать ее прекрасный язык?

Язык я, конечно, знала. Но из врожденной вредности предпочитала общаться на английском, раз уж его называли международным. Да и говорила на нем намного лучше, чем на языке Бальзака и Стендаля.

– Мадемуазель Жаннетт, будьте добры, проверьте еще раз, – со всей присущей мне вежливостью я в пятый или шестой раз требовала найти мое бронирование, которое сделала еще полгода назад.

Сделала и даже получила электронное подтверждение, что меня ждет прелестный двухкомнатный номер в одной из лучших и совсем недешевых гостиниц скромного французского городка под названием Канны.

Через неделю начинался знаменитый кинофестиваль, и на два из его показов Игорь несколько месяцев назад подарил мне билеты

Помимо просмотра фильмов я планировала просто гу-

лять по городу, наслаждаться майским французским солнцем и праздничной атмосферой. А главное, упиваться близостью знаменитостей, концентрация которых, в перерасчете на квадратный метр, в эти дни просто зашкаливала.

И вот я здесь, вся в предвкушении, а моего номера нет...

– Простите мадемуазель Дьемина, очевидно, произошел сбой в программе, и ваше бронирование аннулировалось, – с заученно-вежливой улыбкой в пятый или шестой раз повторила Жаннетт.

И посмотрела на меня с тоскливой скорбью, намекающей, что ругать ее, ни в чем не повинную бедняжку, совершенно бессмысленно.

– Твою мать, Жанетка, – сказала я по-русски, проникновенно глядя в ее растерянно хлопающие глазки. – И где прикажешь мне найти другую гостиницу в Каннах за неделю до начала фестиваля?

– Да, попала ты, подруга, – послышался рядом насмешливый голос, от которого меня слегка передернуло. – Вот видишь, как быстро прилетела ответка за твой мерзкий характер.

Я набрала в грудь побольше воздуха и повернулась к высокому, смуглому парню с темными, стянутыми в хвост волосами и трехдневной щетиной. Очевидно, модной, но у меня вызывающей желание посоветовать ему поход в барбершоп, чтобы избавиться от этой пакости.

– А ты что здесь делаешь? – не совсем вежливо поинтере-

совалась я у этого хама, с которым успела сцепиться в самолете, пока летела из Москвы.

– Очевидно, то же самое, что и ты – прилетел потусить в Канны, – не скрывая насмешки, он в упор рассматривал мое вытянувшееся лицо.

– Успешного отдыха, – отрезала я и снова повернулась к враз поскуцневшей Жаннетт. – Ищите мою бронь, мадемуазель, или пригласите сюда управляющего.

Девушка почему-то бросила жалобный взгляд на небритого хама, и опять уставилась на меня преданными глазами:

– Мадам, вашей брони нет в базе.

Я полезла в телефон, открыла электронное подтверждение от отеля и сунула его девушке:

– Вот, посмотрите.

Девушка посмотрела и как заезженная пластинка повторила:

– Мадам, вашей брони нет в базе.

– Пригласите управляющего, – я начала терять терпение.

Девушка снова быстро глянула на ухмыляющегося рядом небритого хама и заныла:

– Месье управляющий отсутствует.

– Ничего, – заверила я девушку, – я никуда не спешу. Подожду у вас в холле. И если мне не найдут номер, то ночью спать я буду там же. Голая!

– А почему голая? – вдруг заинтересовался небритыш.

– Потому что я привыкла спать без одежды, и изменять

своим привычкам не собираюсь, – гордо заявила я и постучала по стойке ресепшен ладонью. – Вы меня поняли, Жаннетт?

Небритыш с любопытством уставился на меня. Прошелся по моей фигуре откровенно-оценивающим взглядом и хмыкнул:

– Интересное будет зрелище. Приду посмотреть.

В ответ я оглядела его и растянула губы в ласковой улыбке:

– Смотри не двинь кони от перевозбуждения – наверняка такое зрелище тебе нечасто перепадает, с твоими-то внешними данными.

После чего повернулась и не спеша двинула к диванчикам под пальмами в кадках, отчетливо чувствуя его оценивающий мою задницу взгляд.

В холле я провела три часа сорок одну минуту. При этом каждые двадцать минут я подходила к стойке и донимала Жанетку.

У бедняжки уже глаз дергался при виде меня. Но что я могла поделать, если сидеть просто так мне было скучно?

Когда, наконец, появился управляющий, низенький подвижный толстячок с лысинкой и быстрыми темными глазами, бедная девушка кинулась к нему как к спасителю.

Торопливо залопотала, бурно жестикулируя и тыча в меня пальцем. Видимо, умоляла своего босса избавить ее от страшной напасти в моем лице.

Управляющий вежливо поговорил со мной, пообещал непременно что-нибудь придумать и испарился.

Но не соврал – не прошло и получаса, как я, заполнив гостиничный формуляр и поставив пару подписей в нужных местах, уже заселялась в миленький номер с двумя спальнями и гостиной. Заодно получив от отеля бутылку «Вдовы клико» и вазочку с красной икрой в качестве извинения.

Я радостно принялась распаковывать свои чемоданы и, справившись с этой приятной задачей, пошла в душ.

А вот когда вышла распаренная, довольная и абсолютно голая, то первое, на что наткнулся мой взгляд, был расслабленно развалившийся на диване в гостиной все тот же придунок-небритыш из самолета.

– Что. Ты. Здесь. Делаешь? – от шока я даже не сразу сообразила стянуть с головы полотенце и прикрыться. Просто стояла и открывала-закрывала рот.

Придунок молчал и внимательно меня рассматривал.

Неспешным взглядом прошелся по моим босым ногам, вверх от нервно поджавшихся пальчиков. Оглядел бедра.

Надолго задержался на светлом треугольнике внизу живота. Очертил взглядом ямку пупка.

Прогладил ребра и пошел выше, разглядывая полушария груди с мгновенно сжавшимися сосками.

Темный взгляд почти осязаемо, словно касаясь, перетекал по мне, оставляя за собой раскаленные следы на коже. Заставляя все сильнее подрагивать мои пальцы и покрываться

мурашками спину и плечи.

Взгляд скользнул выше, к ключицам, прошелся снизу вверх по шее, словно пробуя гладкость ее кожи. Погладил лицо и, наконец, зацепил мой взгляд.

На несколько мгновений мы застыли, глядя друг на друга, и меня медленно, лишая воли, начало затягивать в темную, непроницаемую бездну его лихорадочно расширенных зрачков.

Когда я, наконец, отвела взгляд и глотнула пересохшим горлом, собираясь с силами, чтобы начать возмущаться, этот урод поморщился и небрежно произнес:

– Ничего особенного, Снежок. Все как у всех.

Говорю же, придурок.

Потом были мои вопли и вызов в номер управляющего.

Его недоумение по поводу моего недовольства:

– Видимо, мадам невнимательно слушала, так как мадам сообщили, что в отеле остался единственный номер с двумя спальнями. И предложили разделить этот номер с другим постояльцем, который дал на это свое любезное разрешение.

Заполнив формуляр и поставив в нем свою подпись, мадам дала согласие на заселение в этот номер. Один на двоих с чудесным соседом.

Соседом, в лице небритого придурка. Про две спальни я слышала, а вот все остальное, почему-то пролетело мимо моих ушей.

Поняв по моему виду, что один из нас неправ, и это точно не я, управляющий предложил, решить проблему по-другому – отель вернет мне уплаченную сумму, плюс некоторую компенсацию за моральный ущерб. Также отель оплатит такси, на котором я смогу доехать до любой другой гостиницы.

С этими словами толстячок откланялся и слинял из номера.

А я, под насмешливым взглядом небритого придурка, устало села на диван и закрыла глаза: в какой другой отель? Я перерыла все сайты, пока сидела на диванчике в холле!

Нет в Каннах ни одного свободного номера на ближайшие три недели. Ни в самых дорогих гостиницах, ни в частных апартаментах, ни даже в хостелах... Нету! Если только собачья конура по цене королевского дворца, но туда я точно не поеду.

Поняв, в какую жо... жесткую ситуацию попала, я расстроено замычала и по детской привычке, от которой никак не могла избавиться, вцепилась себе в волосы.

Тут же послышался смешок, и небритыш, за все это время даже не поднявшийся с дивана, назидательно произнес:

– Бумеранг, Снежок... Грехи – идеальный бумеранг, сколько ни отпускай, все равно возвращается. Но если хочешь очистить свою карму, можешь сварить мне чашку кофе, и тебе зачтется. В моей спальне есть все необходимое...

Я открыла глаза и медленно повернула к нему лицо:

– Как тебя зовут, добрый самаритянин, заботящийся о мо-

ей душе? Мне же нужно знать, какое имя написать на твоей надгробной плите.

Не отвечая, придурок вдруг резко дернул меня к себе. И не успела я пискнуть, как оказалась сидящей у него на коленях, прижатая так, что даже дышать стало трудно.

Одной рукой он сжал мой затылок, не давая отвернуть лицо. И, не отводя темных, с чуть заметными золотистыми крапинками, глаз, негромко произнес:

– Эрик. Мое имя Эрик, Снежок. И я советую тебе хорошо подумать, прежде чем снова начнешь злить меня.

Подтянул мое лицо к себе и, пробормотав: «Достала», – принялся требовательно, жестко, почти грубо целовать...

Глава 9

То, что произошло дальше, можно объяснить только стрессом и нервными потрясениями последних часов, расшатавшими мою нервную систему и слегка повредившими психику.

Каюсь, была не в себе и ничего не соображала, посему ответственности за произошедшее нести не могу!

Нет, сначала все шло правильно: я возмущенно замычала и попыталась оттолкнуть наглого придурка. Даже пару раз стукнула по каким-то частям его тела.

А потом вдруг обнаружила, что сижу верхом на его коленях и самозабвенно его целую.

Сама хватаюсь за крепкие плечи под черной футболкой, лезу под нее ладонями, чтобы прикоснуться к коже, оказавшейся гладкой и очень горячей, словно у Эрика жар.

Сама подставляюсь под твердые губы, впивающиеся в меня жгучими, почти болезненными поцелуями, и под жадные руки, беззастенчиво мнущие мое тело.

И кровь одуряюще бьет в виски, мощно, гулко, выбивая из нее любые мысли, растворяя смущение и отголоски сомнений, оставляя только жадное, не омраченное ничем желание заполучить себе этого мужчину.

И вот уже его раскаленные ладони на моей спине, голой и ждущей, нетерпеливо сминают ее. Тискают, гладят, и над

ухом жаркий шепот, похожий на рычание: "Сука..."

И смуглые руки перебираются к моей груди, обнимают ее, сдавливают. Зубы смыкаются на вершинке, прикусывая так, что я взвизгиваю, а перед глазами начинают рассыпаться искры...

– Горячая, Снежок, – сквозь набат в ушах слышу довольный голос и мычу от удовольствия, когда его пальцы касаются меня внизу, там, где все давно мокрое и трясется от жадного нетерпения.

– Будешь сверху, – меня сдвигают в сторону от распирающего его брюки бугра, об который я беззастенчиво трусь, и я разочарованно хнычу.

Звук расстегиваемой молнии. Меня приподнимают, снова усаживают и, распахнув глаза, я длинно мычу от первой сладкой судороги, прошивающей тело:

– Боже, как хорошо...

Я держусь за его плечи и начинаю двигаться – вверх, вниз. Снова вверх и вниз. И еще...

А потом только вверх, вверх, все выше и выше.

На дно огненных черных зрачков, не отпускающих мой взгляд. Оставляющих жгучие следы на коже, вместе с его пальцами, до боли впивающимися в мои бедра. Такой сладкой, долгожданной, нужной мне боли...

Его хриплый стон, когда мое тело начинает скручиваться в острых судорогах.

Мое имя на его губах вперемежку с ругательствами, от ко-

торых в моей голове что-то тонко лопается, и я лечу в сверкающую пустоту...

После я долго приходила в себя, уткнувшись лбом в голое мужское плечо, не в состоянии вспомнить, когда успела его раздеть.

А потом этот придурок взял и все испортил...

– Свари мне кофе, Снежок... – раздалось над ухом. – После хорошего секса мне всегда хочется кофе.

Вот что меня остановило от смертоубийства в тот момент? Может, слова про секс, который был хорошим?..

Но я все равно вспомнила свои принципы... Вспомнила и, плюнув на них, пошла варить – почему-то и самой вдруг ужасно захотелось кофе...

И пока я ставила на маленькую плитку турку. Пока варила кофе, помешивая и глупо улыбаясь своим мыслям. Пока мы пили его с Эриком, расслабленным, взлохмаченным и с гадостно-довольной небритой рожей, я приняла твердое решение, что это больше никогда не повторится.

Никогда!

Поэтому представьте мое изумление, когда на следующее утро я проснулась с Эриком в одной постели. И на второе утро тоже... И на третье...

Каким-то волшебным образом, каждый вечер мы желали друг другу спокойной ночи, благопристойно расходились по своим комнатам, а утром просыпались в одной кровати, то в моей, то в его... И ни один из нас не помнил, как так по-

лучилось...

Не иначе, это карма, назначенная мне за какие-то грехи в прошлой жизни, – просыпаться с Эриком в одной постели.

– Сделай мне кофе, Снежок, – требовательный голос выдернул меня из воспоминаний о том первом поцелуе и обо всем, что последовало за ним.

Или не первом... Или не о поцелуе. Да не важно о чем. Главное, чтобы больше это не повторилось!

Поэтому я перевела взгляд на в конец обнаглевшего при-дурка в своей постели, и... вспомнила, что я тут, вроде как, в качестве рабочей силы.

– Конечно, босс, – мило улыбнулась и стащила с него свое одеяло, стараясь не смотреть туда, где его... безобразие все также настойчиво целилось в мою сторону. – Только сначала свали из моей комнаты и дай мне одеться.

– Вообще-то, это моя комната, поэтому свалишь из нее ты. Только сначала объясни, с какого, ты здесь поселилась? Горничные живут в цокольном этаже, Снежо-ок, – и потянул одеяло на себя.

Вспомнив все, что видела на означенном пространстве, я искренне удивилась:

– В цоколе нет никаких жилых комнат. Есть пара каморок без окон, наверное, для инвентаря какого-нибудь, – я снова попыталась забрать у него одеяло и прикрыться, а то уж очень настойчиво потемневший мужской взгляд изучал мою ночнушку, словно сканировал мое тело.

Только непонятно, на предмет чего, у меня ведь там все, как у всех, сам сказал!

И потом еще много раз повторил, сдавливая мое стонущее тело жесткими ладонями и снова, и снова вбиваясь в него так, что из меня дух вышибало.

Стоп, Снежана, нельзя этом думать. Тем более что небритый гад никак не уймется:

– Умница. Инвентарь, вроде тебя, в этих каморках и живет. Так что выбирай любую из них и перевози туда свои вещишки – здесь тебе делать нечего, госпожа горничная. (*)

Так-с, он что, любитель сдобных булок Джей Ло?

Я с подозрением покосилась на небритую рожу и, мудро пропустив мимо ушей, что меня назвали рабочим инвентарем, с силой дернула одеяло:

– Эрик, дай сюда. И давай-ка выметайся из моей кровати.

– Что-то много я тебе должен давать, Снежок. Одеяло – дай. Из комнат выметаться – тоже давай. Это что, твоя потреблядская натура с утра пораньше на охоту вышла?

И рыкнул:

– Пошла вон отсюда.

Я устало закатила глаза – какая экспрессия, какая изобразительность мысли! Сколько образности в этих словах! Можно подумать, я у него хоть раз что-то просила.

У меня, вообще-то, железное правило – ничего ни у кого не просить, потому что давно поняла, что сами все дадут и сделают.

И не великий Булгаков меня тому научил, а собственная жизнь. Если бы я когда-нибудь по-другому жила, скорее всего, даже до совершеннолетия бы недотянула. (**)

Да только Эрик, – это не все и, похоже, повоевать с ним придется.

Для начала фиг я отдам ему свою комнатку, я к ней уже, между прочим, привыкла. Да мне полдня только свою косметику в ванной собирать, если придется переезжать. И тогда мне работать вообще будет некогда.

А кстати, он сюда надолго появился? Завтра как раз Катя должна прийти уборку делать, и лучше бы Эрику ее не видеть – пусть верит, что это я такая трудолюбивая фея чистоты, дом в порядке содержу...

Сообразив, что пора менять тактику, я покладисто сползла с кровати. Под прищуренным подозрительным взглядом накинула халатик и пошла на выход, бросив через плечо:

– Через десять минут кофе будет готов, босс.

Аккуратно прикрыла за собой дверь, успев с удовольствием заметить некоторую растерянность на небритой физиономии.

И, улыбаясь во весь рот, потопала на кухню варить кофе. Давай, Эрик, сыграем в твою игру, но, чур, правила будут моими...

(*) *"Госпожа горничная"* – романтическая комедия с Дженифер Лопес в главной роли.

(**) *«Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и*

в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!» (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»)

Глава 10

Выпив две чашки кофе и съев остатки испеченного Катей пирога, Эрик куда-то умотал.

Бросил мне на выходе:

– К вечеру, чтобы освободила мою комнату. Так и быть, можешь выбрать себе любую другую в доме, – и, хлопнув дверью, свалил.

Из окна кухни я видела, как он сел в огромный, до самой крыши изгвазданный глиной внедорожник и, даже не помажав мне ручкой на прощание, выехал за ворота.

Я же торопливо позвонила Кате и договорилась, что делать уборку она придет сегодня – кто его знает, вдруг завтра Эрик никуда не уедет.

Сварила еще кофе и, дожидаясь свою помощницу, принялась размышлять над положением, в котором очутилась.

По итогу моих раздумий слегка приободрилась: выгонять меня из дома Эрик явно не собирается, а это в моей ситуации главное. Ну а со всем остальным буду разбираться по ходу дела.

Окрыленная принятым решением встретила Катю. Забрала продукты, которыми она меня исправно снабжала и, очертив ей фронт работ на сегодня, отправилась выбирать себе новую комнату. Ну, или делать вид, что выбираю.

В итоге остановилась на безобразной розовой спальне с

бело-золоченой мебелью и шелковым, в пышных розанах, ковром на полу. Было очень похоже, что дизайн делали специально для Барби-переростка, уж очень кукольным выглядело помещение.

У него, однако, было одно огромное достоинство – максимальная удаленность от комнаты, в которой я жила до появления Эрика и которую он, по-видимому, твердо решил присвоить себе.

Я пока не решила окончательно, буду биться с ним насмерть за свое старое жилье или нет. Но пути отступления на всякий случай приготовила.

Пока Катя делала уборку, а в духовке, источая умопомрачительные ароматы, запекалась деревенская курочка, я перенесла некоторую часть своих вещей в новую комнату.

Затем, решив, что этого пока достаточно, позвонила Марьяне.

– Ну, как ты там, партизанка? – пробасила подруга и сочно зевнула.

– Маря, ты что, спишь в такое время? – поразилась я. – А твоя работа?

– Так, суббота же, законный выходной, – снова жизнерадостно зевнула подруга. – Ты там в своем селе за календарем совсем не следишь, что ли?

– Э-э-э, – заблеяла я, понимая, что и правда, плохо помню какой сегодня день и число.

– Во-во, говорю же, свежий воздух и жизнь на лоне при-

роды пагубно влияют на твою мозговую деятельность.

– А то в городе она у меня кипела, – обиделась я. – Ты же знаешь, от умных мыслей у меня складки на лбу образуются. А я стараюсь избегать таких ужасных вещей.

Маря сдавленно хрюкнула, и тут на заднем фоне я услышала мужской голос:

– Марьяшечка, иди ко мне, моя мышка. Твой лев скучает...

– Сейчас, мой дикий звер-р-рь, – прорычала ему в ответ стокилограммовая мышка и снова обратила внимание на меня:

– Рассказывай скорее, а то у меня тут мужик остывает.

Я в это время как раз представляла Марию в образе мышкы-роковухи: в сером латексном костюме, с круглыми торчащими ушками и тонким длинным хвостиком, которым она многозначительно помахивала. Еще почему-то в белом передничке с розанами.

Поэтому торопливо, чтобы не подавиться смехом, сообщила:

– Хозяин дома сегодня явился и, вроде как, собрался тут жить.

– О как?! – воодушевилась Маря. – С чего это его принесло? Лерка вроде говорила, что он где-то далече живет, а твою работу приедет проверять его представитель.

– Вот и я обалдела, когда его увидела, – честно призналась я.

– И как он? – между тем любопытничала подруга. – Сильно старый?

– Не-а, совсем молодой, – пришлось признаваться мне.

– У-у, это уже совсем странно. Лерка говорила, что он старик. Может, мошенник какой-то залез и прикидывается хозяином, а, Снеж?

– Нет, у него электронный ключ от ворот был, и он явно знаком с расположением комнат в доме.

Получив эту информацию, Маря загрузилась размышлениями. Поэтому я даже дышать старалась через раз и не в трубку, чтобы, упаси Боже, не сбить ее с какой-нибудь конструктивной мысли.

– Так, попробуй его сфотографировать потихоньку и пришли мне фото. А я пока по своим каналам пошарю, – наконец выдала она.

На этом мы быстренько попрощались, потому что судя по начавшим доноситься до меня звукам, мужчина у моей мышки нисколько не остыл, а очень даже наоборот.

К тому моменту, когда ворота особняка разъехались, и во двор вкатил еще более грязный, чем утром, внедорожник Эрика, дом уже сиял чистотой, а курочка отлично подрумянилась.

Я в клетчатом фартучке, деловито нарезала хлеб и домашний сыр, готовясь предстать перед небритышем идеальным работником, пекущимся о хорошем настроении и полном желудке своего работодателя.

Поэтому несколько опешила, когда в холле раздалось звонкое цоканье каблучков, и женский голосок жеманно протянул:

– О-у, какой у тебя красивый домик, тигреночек.

Да твою же дивизию, у меня сегодня что, всемирный день домашних зоопарков?!

Глава 11

Я отложила нож и выглянула в окно: рядом с внедорожником небритыша стояла еще одна машинка, хорошенький красненький «жук ниссан».

Тяжело вздохнув, посетовала про себя, как много проблем создает появление в этом доме наглого придурка. Поправила волосы, выпятила грудь и выпорхнула в холл, на ходу развывая фартучек.

На секунду остановилась, давая себя заметить. Затем подпрыгнула, восторженно ахнула, взвизгнула и кинулась вперед.

Оттеснила стоявшую рядом с Эриком высокую брюнетку в голубой шубке. Попутно кинула в нее своим передником и успела порадоваться, как красиво он смотрится на ее голове. А нечего возле чужих небритышей стоять!

Скомандовала брюнетке:

– Женщина, можете идти на кухню: надевайте фартук и приступайте к работе, – и с разбегу запрыгнула на обалдевшего Эрика.

– Любимый, ты уже приехал! Я так соскучилась, слоненочек! Как хорошо, когда ты дома и рада, что ты уже нашел новую домработницу!

Видимо, от неожиданности небритыш расставил руки и подхватил меня под попу. Так что я с чистой совестью по-

висла на нем, оплеля ногами и руками, и прижавшись всем телом.

Затем пиявкой впилась ему в губы, слыша за спиной возмущенное кудахтанье, переходящее в злобное шипение.

Все-таки приятные губы у Эрика. Целуя его, в очередной раз в этом убедилась. Так что, когда он вдруг перехватил у меня инициативу, не стала перечить. Полезла руками под его распахнутую куртку и принялась гладить крепкую шею и плечи, подставляя ему лицо.

Мы с упоением целовались, и все было просто замечательно, пока рядом не раздалось визгливое:

– Эрик, еб твою мать! Это что такое?!

«Фу, как некрасиво», – подумала я, и на всякий случай куснула Эрика за верхнюю губу. Чтобы знал, что я возмущена прозвучавшими гнусностями в адрес замечательной женщины, благодаря которой небритыш появился на свет.

А дамочка продолжила визжать:

– Нахера ты меня сюда привез, если у тебя тут баба?

Так его, милая! Мне и самой интересно, за каким ты здесь сдалась?

– Ты что творишь, Снежок? – прозвучало вдруг негромкое, и меня попытались сбросить с моего замечательного места.

Ой-ой, можно подумать, я одна тут творю! Я имею в виду поцелуи...

В ответ на необоснованные претензии я крепче сцепи-

ла руки на его шею и повисла, не доставая ногами до пола. Прижалась к Эрику так тесно, что...

Нет, не буду об этом сейчас думать, мне ведь еще эту дурочку с передником на голове из дома выпроваживать. Сначала дело, а потом о неприличиях думать...

– Эрик, как ты вовремя, – проворковала я, с нежностью заглядывая в его взбешенные глаза. – Ужин уже готов. Ты не забыл купить шампанское и клубнику, милый?

– Какое шампанское, Снежок? Ты случаем затылком не ударилась, когда пыль под кроватями протирала? – зашипел он, наклонив ко мне лицо.

Тут я не стала терять время. Поцеловала Эрика в недовольные губы, радуясь, что он не догадался отцепить мои руки от своей шеи.

– Эрик, ты сволочь. Негодяй! Урод! Я уезжаю! – завопили сзади.

Следом раздался трехэтажный мат и грохот каблуков, несущейся к входной двери фурии.

Тут я руки разжала, съехала по телу Эрика вниз и, повернувшись к грубиянке, недовольно прокричала:

– Женщина, вы куда это собрались? Вам никто не давал разрешения уходить. Немедленно вернитесь и идите на кухню работать – вас ждет грязная посуда и немытый пол.

Ответом мне была яростно хлопнувшая дверь, отчего жалобно звякнуло витражное стекло, и через пять секунд звук заведенного мотора. Я достала из кармашка своих штанов

брелок от ворот и нажала кнопочку.

Услышав сигнал, что ворота открылись, а потом закрылись, повернулась к странно глядящему на меня придурку.

Развела ручки в стороны и недовольно протянула:

– Фу, какую гадость ты таскаешь в дом, милый... Эта женщина плохо воспитана.

В следующую секунду я визжала и дрыгала ногами, болтаясь головой вниз на широком мужском плече, куда меня закинули одним легким движением.

Тут же получила смачный шлепок по заднице и предупреждение:

– Лучше заткнись, Снежок.

Решив, что в такой ситуации правильной будет расслабиться и выждать, я тряпочкой повисла на небритыше. И даже не пикнула, когда он ураганом взлетел на второй этаж, пинком открыл дверь спальни и швырнул меня на кровать.

Стоя надо мной, взялся за ремень на своих джинсах и недобрый голосом скомандовал:

– Раздевайся, Снежок, хочу проверить твоё воспитание. И если оно мне не понравится, ты об этом сильно пожалеешь...

Глава 12

Настоящее время... Эрик Раевский

Больше всего мне хотелось поржать над ситуацией. Как ловко Снежка вытурила из дома Эльзу – пять минут и та умчалась, стуча каблуками и извергая проклятья.

Пожалуй, одно из самых виртуозных устранений соперницы, которое я видел.

С Эльзой я собирался иметь исключительно деловые отношения и, приглашая ее посмотреть дом, всего лишь планировал услышать мнение профессионального дизайнера интерьеров о неожиданно свалившемся мне в руки особняке.

А она, судя по всему, увидела в этом намек на приглашение весело провести время.

Конечно, я быстро расставил бы все по своим местам. Но тут вмешалась эта оторва, обезьянкой повиснув на мне и щедро одарив поцелуями.

Ну что же, мне понравилось, даже очень. Вот только спускать ей такое поведение нельзя ни в коем случае.

Поэтому, забросив ее на кровать, я медленно, не спуская взгляда с удивленно распахнутых серых глаз, взялся за ремень...

Снежана Демина

– Раздевайся, Снежок, – подозрительно ласково повторил

небритьш и потянул ремень из джинсов.

Не ожидая никакого подвоха, я села поудобнее и предложила:

– Ты первый, Эрик. Хочу посмотреть мужской стриптиз – никогда не видела.

Придурок недоверчиво приподнял бровь:

– Да ладно! Думаешь, поверю, что ты не зависаешь по стриптиз-клубам со своими подружками-бездельницами?

Вспомнив Марию, волокущую на своих хрупких плечах все финансы огромного охранный предприятия, и Зою, еще одну мою подругу, крутого переводчика с китайского, не вылезающую из деловых поездок в Поднебесную, я хмыкнула и совершенно честно ответила:

– Ни разу не была в таких местах.

Небритьш на мою искренность ответил злобным оскалом и еще более ласковым:

– Раздевайся, Снежок, больше повторять не буду.

Вытащил ремень из джинсов, сложил его вдвое и шагнул к кровати.

Э-э, дружок, мы так не договаривались!

Не сводя взгляда с мужских рук, я шустро поползла попой назад, стараясь отодвинуться от них как можно дальше.

– Ну, куда же ты, милая? – Эрик слегка взмахнул зажатой в руке ремнем и щелкнул по другой ладони.

От этого звука я дернулась и, чувствуя, как в ушах противно и тонко зазвенело, прохрипела:

– Ты что задумал?

– Выпороть тебя, Снежок, – как сквозь вату донеслось до меня. – Не бойся, не сильно. Только чтобы ты поняла, что нельзя себя так вести.

– Нет, Эрик. Нельзя. Нет! – задергалась, засипела я, чувствуя, как немеет, становясь чужим, мое деревянное тело. – Пожалуйста, нет.

Не отвечая, мужчина подхватил меня, толкнул на себя, и через миг я лежала животом у него на коленях, с беззащитно оттопыренной задницей и безвольно свисающими головой и руками.

Я еще попыталась вяло дернуться, уже зная, что все бесполезно. Жесткая ладонь с силой придавила поясницу, и я покорно застыла, потому что ничего не изменилось, все, как прежде, и урод опять, снова добрался до меня.

Лишающий сознания взмах руки, свист ремня, раскалывающий мою голову надвое. И в следующий миг я полетела в зовущую меня черноту, ласковую, мягкую и спасительную.

– Снежа, Снежок, девочка моя. Что с тобой? Давай, возвращайся, – сквозь обволакивающие, крепкие объятия темноты долетел встревоженный знакомый голос.

Когда-то я его слышала, и он мне нравится.

– Снежа, давай, моя хорошая, приходи в себя, – что-то легко коснулось моего лица, и я начала выплывать на поверхность, еще не веря, что мне удалось выбраться.

Разлепила глаза. Кажется, я по-прежнему на кровати, ле-

жу головой на чем-то твердом. Близко перед моим лицом встревоженные черные глаза:

– Снежок? Это что сейчас было?

Не отвечая, я сползла с кровати и, шатаясь, побрела в ванную. Рухнула на колени возле унитаза и меня начало рвать.

«Хорошо, поужинать не успела», – мелькнула глупая мысль перед первым, остро скрутившим тело спазмом.

Внезапно меня обняла теплая рука, придерживав, когда от слабости я начала заваливаться вбок. Мужские пальцы собрали мне волосы, не давая им падать на лицо.

И когда я дернулась, не желая, чтобы Эрик видел меня в таком состоянии, над головой успокаивающе прозвучало:

– Давай, девочка, не стесняйся. Надо избавиться от лишнего.

Когда меня, наконец, перестало полоскать, протянул мне чистое полотенце:

– Пойдем, я помогу лечь – тебе нужно отдохнуть. Сейчас сделаю чай, выпьешь его и поспишь.

Не поднимая на него глаз, я попросила:

– Выйди, пожалуйста, я хочу принять душ.

Не отвечая, Эрик подхватил меня и, придерживая, чтобы я не сползла обратно на пол, принялся стягивать с меня одежду.

– Успокойся, – буркнул, когда я попыталась отпихнуть его руку, стягивающую с меня трусы, – чего я там не видел.

– Все, как у всех? – пошутила я, не в силах сопротивляться

дальше.

– Точно, Снежок, – ответил, подхватил меня на руки и занес в душевую кабинку.

– Эрик, выйди, я в состоянии сама помыться, – я уперлась в стенку руками и прикрыла глаза. Послушался.

Правда, тут же зашел снова, уже голый. Прижал меня к своему телу и открыл воду.

Не знаю, как долго я стояла вот так, прилепившись к нему. Сверху, согревая мое трясущееся в ознобе тело, стекали теплые струи. Ладони Эрика гладили мне плечи, спину и ребра. Пальцы мягкими движениями перебирали волосы.

Еще он что-то шептал мне на ухо, какие-то слова. Смысла я не понимала, но мне очень нравилось, как звучит его голос.

И когда он выключил воду и начал вытирать меня большим, пушистым полотенцем, оказалось, что я уже улыбаюсь. Уже могу жить дальше.

Закутавшись в толстый халат, я сидела на кухне и наблюдала, как Эрик заваривает чай. Приготовив, навалил в чашку три ложки меда, сунул мне в руки и потребовал, чтобы выпила все до капли.

Я грела о кружку пальцы, понемногу глотая обжигающую приторно-сладкую жидкость.

Небритыш, поглядывая на меня нечитаемым взглядом, принялся разбирать огромные пакеты с продуктами, которые принес из холла. Домовитый, однако.

– У меня есть запеченная курица. Ты же, наверное, голод-

ный? – вдруг вспомнила я.

– Да ну, Снежок? Неужели ты способна на такой подвиг, как приготовить ужин усталому мужику, – он насмешливо сверкнул черными глазами.

Ну, слава яйцам, все вернулось на свои места! А то этот чужак в маске милого, заботливого Эрика уже начал меня пугать.

Поэтому я радостно оскалилась:

– Сам проверь, – ткнула пальцем в сторону духовки и зло-вредным голосом добавила:

– И как ты мог заметить, в этом доме всего одна женщина, способная что-то приготовить усталому мужику. А твоя мымра сбежала.

После чего сползла с табурета и гордо пошла прочь, сообщив ухмыляющемуся небритышу, что время позднее, а мне завтра рано вставать на работу.

В своей комнате быстро умылась, погасила свет и юркнула под одеяло. И только успела подумать о том, какой насыщенный выдался день, как мгновенно провалилась в крепкий, без сновидений, сон.

Поэтому представьте мое возмущение, когда, проснувшись утром, обнаружила, что меня опять прижимает тяжелая мужская лапа, а в поясницу беззастенчиво упирается твердое и очень знакомое кое-что...

Глава 13

Словно почувствовав, что я проснулась, Эрик стиснул ладонью мой бок и еще настойчивее прижался к пояснице своим эм-м-м... беззастенчивым другом.

Так что пришлось наглую руку с себя решительно скидывать и приступить к выяснению отношений.

– Эрик, какого ты опять в моей постели делаешь? – зашипела я, поворачиваясь к небритышу лицом и по странной случайности, с ходу утыкаясь губами в его губы.

Мужская ладонь легла на мой затылок и сильно надавила, так что попытка отстраниться пропала впустую.

Наглая твердая грудь притерлась к моей. Мускулистая нога, покрытая жесткими волосками, придавила своей тяжестью мое бедро, окончательно отрезая пути к отступлению.

Думаете, после этого между нами началось что-то чувственное и невыразимо прекрасное? Как же...

Вместо этого небритыш жестко сдавил мой затылок и прорычал в мой возмущенно приоткрытый рот:

– Снежок, это мой дом, моя комната и моя постель. Если ты помнишь, я велел тебе собирать вещи и переселяться в другое место. И заметь, позволил выбрать любую спальню, а не вышвырнул на цокольный этаж.

– Эрик, я первая заняла эту комнату, и она мне нравится, поэтому выкатывайся из моей постели, – по моим представ-

лениям, я привела очень весомые аргументы в свою пользу, должны пробудить в этом придурке честь, совесть и высокую мораль.

Не прокатило и не пробудило. Зато его темная бровь насмешливо приподнялась, нога еще крепче прижала мое бедро, а рука поползла по спине как-то уж совсем по-хозяйски.

И это я еще молчу про живущее своей собственной жизнью... эм-м..., наглое кое-что, все настойчивее упирающееся мне в живот.

В ответ на мои доводы Эрик хмыкнул и процедил, растягивая слова:

– Если так сильно хочешь ночевать в этой спальне, я не буду возражать, Снежок. Но тогда не удивляйся моему присутствию в своей постели.

– Вот ведь гад этот Эрик, – пожаловалась я, сама не знаю кому, и начала отодвигаться от его чересчур горячего тела и насмешливого взгляда.

Он и не подумал меня останавливать. Поэтому я старательно поползла прочь из-под его руки и ноги, собираясь покинуть кровать, а заодно и комнату.

Но когда совсем близко почувствовала запах свободы, он взял и опять все испортил. Зацепил меня своей лапой, не давая подняться.

Затем подтащил к себе и потребовал:

– Не спеши. Давай-ка поговорим о том, что произошло вчера. Что с тобой случилось, почему ты потеряла сознание,

Снежа?

Ну, точно, придурок! Вот зачем лезть, куда не просят. И ведь по глазам вижу, что не отвяжется, пока не услышит объяснение.

– Ты меня избил, – буркнула мрачно, отворачиваясь от его настойчивого взгляда.

– Да ладно, – взяв жесткими пальцами за подбородок, Эрик повернул мое лицо к себе. – Я даже замахнуться не успел, как ты отъехала. А после... Такая реакция ненормальна, Снежок. Что это было?

– Тебе-то какая разница? – вскинула я на него глаза. – Да, вот такая у меня реакция! Такая, и все! И нечего лезть в мою душу. Ты не мой психоаналитик, подобные вопросы задавать.

А если боишься, что я ненормальная или бешеная, и могу тебя покусать, то просто свали из комнаты и держись от меня подальше. И все у тебя будет конфеточно.

– Снежок, у меня и так все прекрасно. Вот, например, красивая и почти раздетая женщина лежит со мной в постели, – пошутил Эрик и вдруг отпустил мой подбородок.

Обхватил мою шею сзади ладонью и потянул на себя.

Я честно пыталась отпихнуть его, краем сознания понимая, что всего одно движение, одно касание, и я опять пропаду.

Снова растворюсь в этом чужом, незнакомом, странном мужчине, забыв обо всем и теряя саму себя. А мне нельзя,

никак нельзя...

Поэтому уперлась ладонями в каменную грудь, чтобы оттолкнуть. Да так и замерла, наткнувшись на жадный, потемневший взгляд, горящий жгучим, голодным огнем. И, не в силах сопротивляться, обмякла, сдалась, чувствуя, как уже плавлюсь, растворяюсь, исчезаю в этом пламени...

– Снежа, – пробормотал он хрипло и потянулся ко мне.

Легко коснулся губами моего рта, будто пробуя на вкус забытую сладость. Поймал губами нижнюю губу. Помял, пососал, чуть прикусил. Перебрался к верхней, глядя и обводя изнутри языком.

И когда я судорожно вдохнула, пронзенная тысячей маленьких иголок удовольствия, накрыл мой рот своим, окончательно выбивая из моей головы все мысли.

«Девочка моя... маленькая...» – не знаю, откуда мог взяться этот шепот, но я его слышала.

И руки, – жесткие, уверенные, идеальные, – смяли мою спину, стиснули ягодицы и снова пошли по спине, глядя, придавливая и трогая ровно так, как мне надо.

Поднялись к шее, ведя по коже кончиками шершавых пальцев, занырнули в волосы.

Потянули, глядя затылок и снова спускаясь по шее вниз, к крыльям лопаток, которые он накрыл ладонью.

И в следующий миг я уже лежала под ним, бесстыдно постанывая и запрокидывая голову, а его губы и язык, оставляли влажные дорожки, проходясь по подбородку и шее.

Двигались вниз к выступающим ключицам, прихватывая зубами и проводя по ним языком. И ниже, к затвердевшим соскам.

Потрогали их, сначала губами, затем языком, резко втянули в рот, заставив меня дернуться от болезненного, сладкого удовольствия... Двинулись ниже... еще ниже, туда, где все давно корчилось от дикого, почти неконтролируемого желания.

И когда я, задыхаясь и поскуливая от нетерпения, выгнулась, вцепилась в каменные плечи и, широко разведя ноги, со стоном потянула Эрика на себя, он остановился.

Прижался губами к моему рту и хрипло потребовал...

– Скажи это...

Глава 14

– Скажи... – потребовал хрипло, кусая мои губы и почти рыча от нетерпения. – Попроси меня...

Прижимая меня своей горячей, сладкой, неподъемной тяжестью, выдавливая из меня воздух, мысли, все чувства, кроме одной: «Хочу, хочу тебя...»

Заставляя меня хныкать и задыхаться от нетерпения. От узнавания и острого желания его тела, его рук, запаха, движений. Всего того, что я отчаянно пыталась и не смогла забыть, бессонными ночами ворочаясь и изнывая от воспоминаний.

И я хриплю, мычу, извиваюсь под ним. Вцепляюсь в него и тяну к себе: «Мой, мой, наконец, снова мой».

– Скажи, Снежа, – на краю сознания его голос, тяжелый и хриплый. И рваное дыхание, обнимающее меня даже крепче его рук.

– Эрик, пожалуйста, – сиплю искривленным ртом. Царапаю его спину и с силой кусаю плечо, маячащее рядом с моим ртом.

– С-сука, – сдавленно шипит он и впивается в мой рот. Жадно, жестко, требовательно, не жалея и не думая о моих чувствах.

Но мне и не надо, чтобы о моих, если я с тобой. Мне и не нужны мои чувства. Их давно нет, а может, и не было ни-

когда, я уже не помню... Это с тобой я живая, настоящая, реальная... Без тебя – нет...

– Эрик... – жалко скулю, потому что еще миг, и меня опять не станет.

И чтобы выжить, подаюсь к нему бедрами, кусаю заросший щетиной подбородок, трусь, толкаюсь в его тело.

Он рычит и глухо матерится и, на миг отстранившись, входит в меня. Наконец, во мне, со мной, вокруг меня. И теперь, я живая, настоящая, я чувствую. Чувствую, как он начинает двигаться – во мне и вокруг меня. Должно, остро и сильно. Так что я тоже рычу. Хватаю воздух пересохшим горлом, стискиваю его спину и скребу по ней скрюченными пальцами, оставляя красные полосы. Развожу ноги еще шире, сгибаю в коленях, открываюсь для него – возьми, возьми, не щади меня...

Он берет все, что я даю. Жадно, ненасытно, взахлеб.

Влажно вколачивается в мое тело, заставляя мои ступни подскакивать вверх с каждым его толчком, вскрикивать с каждым его движением, растягивающим меня до невозможности. Заполняющим собой до предела, до боли.

До грани, за которой я больше не могу терпеть и разлетаюсь, взорвавшись фейерверком огненных конвульсий, разорвавших мое тело на части. И его рычание, и низкий стон попеременно с бранью, когда он содрогается и догоняет меня на той вершине, куда взобраться могут только боги.

После мы долго лежали рядом, легко касаясь плечами, не

думая, уже не чувствуя, просто существуя. Я таращилась в потолок и глупо улыбалась, зная, что живая. Просто, обыкновенно, волшебной живой.

И даже когда этот придурок повернул ко мне лицо и, насмешливо прищурившись, протянул:

– Снежо-ок, сваришь мне кофе?

Я только хихикнула и, греясь под его ласковым взглядом, сообщила наглому небритыша:

– Признаешься, что секс был хорошим, – сварю.

Он странно посмотрел на меня, помолчал и, подтянув к себе на плечо, крепко обнял. Потеря заросшим подбородком о мою макушку и негромко спросил:

– Ты уверена, что это был просто секс?

Глава 15

– Снежанка, а чего у него глаза закрыты? Ты его что, того... замочила? – расстроено прогудела Маря в трубку. – Жалко мужичка. Так-то он ничего, брутальненький такой. Опять же, щетина, вон какая сексуальная... И плечи широкие.

Несколько минут назад я отправила подруге фото небритыша, и сейчас она, сопя и хмыкая, делилась со мной впечатлением от увиденного.

Я насыпала кофе в турку, взгромодила ее на плиту и зашептала, косясь на плотно прикрытую дверь кухни:

– Маря, он просто спит. Зачем мне его... того?

– Ну-у, вдруг он начал до тебя грязно домогаться, – философским тоном предположила подруга. – А ты у нас дама высокой морали и непоколебимой нравственности, вот и пришила охальника.

Вспомнив, что этот охальник проделывал со мной сегодня утром, потом еще раз утром и снова, но уже после завтрака, я покрылась стыдливым румянцем и в ужасе вскричала:

– Маря, да как ты можешь такое говорить? Неужели бы я стала труп фотографировать? Я его того... живого.

Подруга на том конце трубки зловеще замолкла. Видимо, подсчитывала вероятность того, что я соврала и все-таки прислала ей посмертное фото небритыша.

Потом тяжело вздохнула, так что даже до меня долетел шелест занавесок в ее спальне, раздуваемых движением могучих Мариных легких:

– Ладно, закину его фотку своим мальчикам, пусть по базе пошарят, может, где проходил по криминалу.

– Маря, а просто, без криминала, ты узнала про него что-то? – зашептала я совсем тихо, потому что мне слышалось какое-то шевеление за дверью.

– Узнала, но немного, – пропыхтела подруга недовольно.

Маря терпеть не могла, когда у нее не складывался какой-то пазл. Мне кажется, она и бухгалтером стала, чтобы всегда иметь четкую картинку. Потому что бухгалтерский баланс без вариантов, должен только сойтись. А если не сошелся до ноля копеек, значит, пазл не сложился, начинай сначала.

Но, насколько я знаю, у Марьяны Эдвардовны не сойтись не может в принципе. Поэтому мне понятно, отчего сейчас в голосе подруги звучит такая маета и неуспокоенность.

– Мутная там история, с этим новым хозяином, – наконец выдавила она из себя. – И Лерка божится-клянется, что ничего не знает, и мои мальчики ничего особо не накопили. Ясно только, что домик этот совсем недавно сменил хозяина. Причем старый пердун, владевший им до этого, приходится твоему спящему бруталу родственником, вроде как двоюродным дедулей по маминой линии.

– Зовут твоего красавца Эрик Игоревич Раевский. Лет

ему тридцать семь. Имеет двойное гражданство – наше и швейцарское. Про детей и жен информации нет, и вообще почти ничего нет. Единственное, мелькнула мутная история с отмывом денег несколько лет назад, но там ничего не доказали или не захотели копать слишком активно.

Выдав информацию, Маря надолго замолчала. Зная, что в такие моменты подругу лучше не сбивать с мысли, я тоже помалкивала.

Осторожно помешивала поспевающий кофе, косясь в окно, где с самого утра сыпал снег, укрывая белой ватой хмурые елки и стоящие ровной шеренгой голые рябины.

– А вы с ним, как вообще, контактите? – наконец отмерла Марьяна и шмыгнула носом – верный признак, что она чем-то расстроена. – Он тебя не того, не разоблачил?

Я сняла турку с плиты, отошла к окну и прижалась к стеклу лбом, наблюдая за кружащими в воздухе белыми хлопьями.

Новый год скоро, а праздника и радости ни в каком месте не ощущается.

– Раз еще не выгнал из дома, значит, все нормально, – оптимистично возвестила я. – В доме чисто, курицу ему вчера приготовила, чего еще мужику надо.

На том конце повисло тяжелое молчание. Наконец, голос Мари недоуменно, с расстановкой протянул:

– Что ты сделала, подруга? Ты приготовила?..

– Курицу, – подтвердила я, – в духовке. Катя вчера при-

несла...

– Фух! Так это Катя постаралась, – облегченно выдохнула Марьяна, – а то я уже перепугалась, что ты там в своей глуши в Иное превращаться начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.